

УДК 316.334:422

Дышлевой И. А.

канд. социол. наук, ассистент кафедры социальных теорий факультета правовой политологии и социологии Национального университета «Одесская юридическая академия», к. 404,
ул. Пионерская, 2, г. Одесса, 65009, Украина
тел.: (048) 719 88 07, e-mail: dyshlevyi@gmail.com

ГЕНЕАЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТИГМАТИЗАЦИИ

В статье выделяется и рассматривается социально-историческая плоскость социальной стигматизации. Акцентируется внимание на социально уязвимых группах общества как объектах социальной стигматизации. Социально-историческая плоскость социальной стигматизации анализируется сквозь призму задействования государством различных технологий власти. Генеалогия социальной стигматизации представляется через исторические изменения отношений между государством и гражданами в контексте «власти нормализации».

Ключевые слова: социальная стигматизация, социально уязвимые группы общества, «негативные» технологии власти, «позитивные» технологии власти, формы знания-власти, права человека, «власть нормализации».

Постановка и актуальность проблемы. «Позитивные» (включающие) технологии власти, сформировавшиеся в западноевропейских государствах в XVII–XVIII веках и пришедшие на смену «негативным» (исключающим) технологиям власти, получившие развитие и укрепившиеся в Западной Европе, Северной Америке в XIX–XX веках, выступили новыми формами «закрепощения» со стороны власти изобретательной. Власть данного типа заменила собой власть карательную и абсолютистскую в контексте форм «освобождения», — юридического оформления и социального признания естественных прав человека. Вместе с этими новыми формами «закрепощения», которые сопутствуют процессам «освобождения» и модернизации в целом, усиливается социальная стигматизация различных социальных групп общества за счет включения все большего числа социальных групп, в том числе, а в некоторых случаях, — в первую очередь, **социально уязвимых групп**, являющихся основным объектом, «мишенью» социальной стигматизации.

Современное украинское общество еще проходит этапы модернизации, включающие в себя становление эффективно обеспечивающего права человека правового государства, самостоятельного гражданского общества с высокой вовлеченностью в него акторов, развитие социального института бизнеса и маркетинговую, — возрастание значимости потребления товаров и услуг в гедонизирующихся социальных взаимодействиях субъектов. Западные общества стали обществами модерна уже к XIX веку, а начался процесс модернизации западноевропейских обществ в XVII веке, продолжившись в XVIII столетии и включив в свою ось Северную Америку. Со-

циальная стигматизация, будучи составляющей «закрепощения», возрастающего по мере обретения субъектами прав человека в ходе социальных процессов «освобождения», является продолжением «позитивных» технологий власти и выразительным **парадоксом** бытия обществ модерна и социальных модернизационных изменений.

Социальная стигматизация является негативным оценочным отношением к представителям определенных социальных групп в актах высказывания в публичном дискурсе, а также в массовом сознании. Социальная стигматизация выступает основанием процессов и результатов социального отчуждения, отторжения, изоляции осуждаемых в дискурсивных и повседневных представлениях социальных групп. Во многих случаях данные социальные группы обладают сравнительно узкими возможностями доступа к социально-экономическим, политическим, интеллектуальным, социокультурным ресурсам и поэтому являются уязвимыми. Социальная уязвимость данных групп воспроизводится их стигматизацией в обществе. Интолерантность лежит в основе социальной стигматизации, которая проявляется в отчуждении, отторжении, изоляции, загоне в «подполье», в конечном итоге, — в презрении социальных групп, вызывающих у представителей государственной власти и в массовом сознании иррациональные страхи и непонимание.

В контексте настоящей статьи затрагиваются только социально уязвимые группы в обществе как основная «мишень» социальной стигматизации. В модернизирующихся обществах социально уязвимых групп больше, в обществах модерна в ходе их социально-исторической эволюции данных социальных групп меньше. Например, ВИЧ-положительные люди, ЛГБТ-сообщество (лесбиянки, геи, бисексуалы, трансгендеры) перестали быть в западных обществах модерна социально уязвимыми группами, но проявления социальной стигматизации в отношении данных социальных групп в обществах модерна, к сожалению, еще присутствуют. В еще модернизирующемся украинском обществе данные социальные группы помимо того, что они являются объектами сильной социальной стигматизации, являются еще и социально уязвимыми, что перетекает в факты их обширной социальной дискриминации, борьба с которой даже не оформлена законодательно.

В контексте деяний социальная стигматизация приобретает уже очертания **социальной дискриминации**, производной которой является уже не только безнравственное по своей сути осуждение, отрицание признания прав, социально-психологическое угнетение, но и ущемление акторов в их социально-правовых, социально-политических, социально-экономических возможностях, ограничение их в правах в социальных отношениях и взаимодействиях.

В социально-исторической ретроспективе (в своей генеалогии) и современности социальная стигматизация сопряжена с формированием и воздействием на отношения по оси государственная власть — граждане различных «дискурсов истины», претендующих на разграничение социальных субъектов на «нормальных» и «патологических», через которые

осуществляется «власть нормализации», — различных **форм знания-власти**. Нередко в трансформирующихся обществах, осуществляющих переход к модерну, социальная стигматизация различных групп общества сопровождается **лицемерием** на уровне правового и политического дискурсов. Данное лицемерие проявляется в отсутствии процедурного обеспечения в законодательстве и деятельности руководителей и служащих органов государственной власти и местного самоуправления (публичной власти) прав человека социально уязвимых групп общества и всех стигматизируемых социальных групп в целом, но права человека декларативно признаются в публичном дискурсе и утверждены в законодательстве. Это есть разрыв между «**должным**» и «**сущим**». Данная ситуация присутствует и в современном украинском обществе, в котором инертность зачастую преобладает над инновационностью, столь необходимой для преодоления этого разрыва.

Под понятием «**стигма**» (от греческого слова stigma — пятно, метка) подразумеваются предубеждения, установки, стереотипы, страхи, оценки, осуждение, выражающие негативное отношение и пренебрежение определенной части людей к тому или иному человеку, социальной группе, их «**заклеймение**».

Представляется возможным выделить и разграничить **вертикальную, внешнюю социальную стигматизацию**, которая осуществляется со стороны государства, публичного дискурса, форм знания-власти, общества в целом по отношению прежде всего к социально уязвимым группам, а также **горизонтальную, внутреннюю социальную стигматизацию**, которая проявляется на уровне социальных отношений и взаимодействий социально уязвимых и других отторгаемых групп друг с другом (например, неприятие и нетерпимость геев к ВИЧ-положительным людям, в том числе и к ВИЧ-положительным геям, неприятие наркозависимыми геев и наоборот). При этом следует учитывать, что социально стигматизируемые группы взаимопересекаются (например, ВИЧ-положительные люди и наркозависимые, гомосексуалы и наркозависимые). **В рамках настоящей статьи** анализируются плоскости «вертикальной» социальной стигматизации. Отдельным срезом социальной стигматизации является **самостигматизация** акторов, которые в своем самосознании представляют себя «недостойными», «неправильными», «ненормальными», «грешными» и тяготеют своей социально-групповой принадлежностью, что нередко проявляется в конфликте идентичностей.

Проблемная ситуация исследования заключается в несоответствии распространённой в современном украинском обществе социальной стигматизации в деятельности государства и в публичном дискурсе социально уязвимых групп правовым требованиям обеспечения публичным управлением прав и уважения человеческого достоинства властью представителей всех социальных групп. Под **публичным управлением** подразумевается работа органов государственной власти и местного самоуправления в тесном взаимодействии с неправительственными организациями (правозащитными, этнокультурными, благотворительными и другими), масс-медиа, политическими партиями, религиозными конфессиями и иными институтами гражд-

данского общества. Публичное управление, являющееся одной из составляющих общества модерна, еще не сформировано в современной Украине и на данном историческом этапе можно говорить лишь о государственном управлении. Социально-исторически данные правовые требования получили оформление в законодательстве (но не в полном объеме) в качестве определенного результата модернизационных социальных изменений независимой Украины, направленных в особенности на признание государством в юридической форме **естественных прав человека**, в которых равны все социальные субъекты.

Актуальность проблемы исследования заключается в высокой значимости в контексте модернизационных социальных изменений современного украинского общества обретения всеми субъектами равных возможностей реализации своих естественных прав, что исключает всякую социальную стигматизацию акторов по признаку их принадлежности к той или иной социальной группе. Растущие стремления представителей социально уязвимых групп современной Украины к интеграции в общие для всех украинских граждан модели социальных взаимодействий между государственной властью и гражданским обществом, к реализации собственных прав, ожидания социально уязвимых групп относительно обеспечения публичным управлением защиты их прав, а также требования представителей социально стигматизируемых групп современной Украины к власти, публичному дискурсу уважения их человеческого достоинства и прекращения их осуждения, которое само по себе является безнравственным, квалификации их как «ненормальных» и «опасных» выступают социальными факторами, существенно повышающими актуальность проблемы настоящего исследования. В социологических исследованиях, проводимых в современной Украине, преобладает изучение общественного мнения населения и больших социальных групп, слоев населения, социально-политических процессов, но не выявление факторов и зачастую трагических последствий социальной стигматизации. Модернизация современного украинского общества как создание комфортной среды обитания для самых различных социальных групп предполагает актуализацию социологической диагностики социальной стигматизации вместе с предложением органам публичного управления мер по ее снижению.

Уровень разработанности проблемы в научной литературе. Рассмотрение феномена социальной стигматизации обладает междисциплинарным характером и тесно связано с изучением истории притеснений властью тех или иных социальных групп, анализом проблем нарушений прав человека, правовой и социальной дискриминации, осуждения и нетерпимости по отношению к субъектам. Вопросы социальной стигматизации и связанной с ней дискриминации являются предметом пристального внимания многих международных неправительственных правозащитных организаций (Freedom House, Amnesty International, Human Rights Watch и других), а также Организации Объединенных Наций, Государственного департамента США (в особенности его подразделения Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor). Направляют свою исследовательскую и правозащитную

деятельность на отдельные стигматизируемые социальные группы такие организации, как International HIV/AIDS Alliance (изучение положения ВИЧ-положительных людей в разных странах и оказание помощи данной социальной категории), COC Netherlands (старейшая ЛГБТ-организация в мире, создана в 1946 году).

Данные организации, почти все из которых представлены в современной Украине, публикуют результаты своих социологических исследований и предложения органам власти и институтам гражданского общества разных стран мира в своих аналитических отчетах, которые могут рассматриваться как **научные материалы**. Мониторинговые социологические исследования, которые проводятся приведенными международными неправительственными организациями, Государственным департаментом США, включают в себя диагностику социальной стигматизации в украинском обществе, а в инструментарии, аналитике и предложениях властным структурам выходят на уровень правовой и социальной дискриминации различных социальных групп.

Исходя из теоретических предпосылок концепции психоанализа **Зигмунда Фрейда** [5] социальную стигматизацию можно рассматривать как бессознательные страхи и комплексы людей перед неизвестным/малоизвестным. Социальная стигматизация, имеющая иррациональную природу, облекается в рационализированные и ценностные формы в культуре общества и не приемлет свойства и черты, которые заложены в каждой личности, — бисексуальность, гомосексуальность, склонность к господству и подчинению в форме садизма, мазохизма в сексуальных практиках и психологическом состоянии, агрессию.

Американский психолог **Гордон Олпорт** [9] разработал шкалу для описания поведенческого компонента предубеждений, которая может быть применена для анализа степени и характера социальной стигматизации субъектов. Данная шкала включает в себя следующие уровни выражения негативных предубеждений субъектов (на которых и основывается социально-психологическая сторона социальной стигматизации): 1. Вербальное проявление антипатии; 2. Избегание социальных контактов; 3. Дискриминация, проявляющаяся в активных действиях; 4. Осуществление актов насилия; 5. Истребление, физическое уничтожение. Данная шкала дает понимание детерминированности социальной дискриминации и даже геноцида социальной стигматизацией, базирующейся на предубеждениях и иррациональных страхах.

Мишель Фуко [6–8] в своих концепциях власти, дискурса, субъективности в генеалогическом разрезе в западноевропейском контексте фокусирует внимание на технологиях власти, возникновении форм знания-власти, социальных отношениях власти и субъектов, на основе которых осуществляется нормализующая квалификация и классификация социальных групп в обществе и социальная стигматизация отдельных групп. Подробнее данные теоретические положения М. Фуко представлены в настоящей статье.

Игорь Кон [4] в своих работах выделяет и подробно анализирует социально-исторический, социально-антропологический, историко-культурный

срезы гомосексуальности в различных обществах. На примере феномена однополой любви в концепции И. Кона рассматриваются социально-исторические и социокультурные условия социальной стигматизации, а также исторический опыт, связанный с жизнью в обществе с ней, а также ее преодолением в ходе изменения дискурсов и социальной борьбы стигматизируемых граждан за уважение в обществе к себе, за свои права.

Указанные идеи, касающиеся проблематики социальной стигматизации, концептуально важны для социологического осмысления данного многомерного феномена с точки зрения его генеалогии в контексте смен технологий власти.

Теоретической основой данной работы являются положения концепции власти Мишеля Фуко, относящиеся к феномену социальной стигматизации.

Нерешенными прежде частями указанной выше проблемной ситуации являются: 1. Социально-историческая плоскость противоречий между социальными процессами «освобождения», которые выражаются в юридическом признании государством естественных, неотделимых и неотчуждаемых от человеческой природы прав человека, с одной стороны, и социальными процессами «закрепощения», усиливающимися по мере реализации социальными субъектами прав человека и проявляющимися в усилении социальной стигматизации все возрастающего числа и усложняющихся внутри себя социально уязвимых групп, — с другой стороны; 2. Противоречия между декларируемыми в правовом, политическом, этическом дискурсах обществ модерна и модернизирующихся обществ, к которым относится современное украинское общество, социальными ценностями толерантности, уважения человеческого достоинства, свободы воли, выбора и действий, равенства возможностей, справедливости, с одной стороны, и сохраняющимися, а порой увеличивающимися (особенно в модернизирующихся обществах) социальным отчуждением, отвержением, изоляцией социально стигматизируемых групп вместе с ростом властного надзора над ними — с другой.

Основной целью данной статьи является анализ социально-исторических противоречий между процессами обретения субъектами прав, почти полным исчезновением прямой карательной роли государства, повышения значимости либеральных социальных ценностей в своей завершенной форме в обществах модерна и в еще незавершенной форме в модернизирующихся обществах, с одной стороны, и сохранением, зачастую даже усилением социальной стигматизации различных социальных групп, все более попадающих под неустанный надзор и контроль государственной власти — с другой. Данные противоречия рассматриваются в контексте генеалогии социальной стигматизации, прямо проявляющейся в еще только модернизирующихся обществах, а также сильной в своей сокрытости в обществах модерна.

Значение церковного «руководства совестью» в генеалогии социальной стигматизации. Согласно концепции Мишеля Фуко, в эпоху Нового времени (XVII–XVIII века) и Просвещения (XVIII столетие) в европейских обществах дисциплинарные технологии церкви перетекали в относительно

секуляризованні сфери, що сформувалися в лоні влади Римсько-католицької церкви і середньовікової «спайки» церкви і держави, — образотворення, політику, психіатрію. В період Середньовіччя психіатричне знання-влада не було сформовано і його заміняли теологічно обґрунтовані церковні техніки «руководства» совістю і покаєння, супутні їм пасторські практики священнослужителів. **Распространение церковного «руководства совістю»**, передбачає передотвращення «гріха», його телесного відчуття, мисленого розсудження о ньому, чуттєвого насолодження їм, згоди з «гріхом» в кінцевому підсумку, передотвращення «конвульсій», ідущих від «демонів», обряди екзорцизму, здійснювані над «одержимими» силами зла суб'єктами по часу і суттєвості збігалося з християнізацією віддалених і сільських місцевостей. Дані процеси християнізації включали в себе виділення і патологізацію окремих соціальних категорій населення. Мишель Фуко характеризує ці соціально-історичні процеси наступним чином: «Єсть підстави вважати, що колдовство, або великі епідемії колдовства, які вибухали з XV до початку XVII століття, і потужні хвилі одержимості, надвигавшіся з кінця XVI до початку XVIII століття, слід поставити в ряд загальних наслідків форсованої християнізації, про яку я вам говорив» [7, с. 247]. З XIX століття надання монструозності по осі «ісправимої неісправимості» окремим категоріям соціальних суб'єктів остаточно стало виконувати психіатрія [8, с. 209]. «Друга ж ось, ось неісправимої ісправимості, стане стержнем всіх спеціальних інститутів для ненормальних, які з'являються в XIX столітті» [7, с. 83]. Монструозність передбачає виділення «дьявольських», «гріховних», ніби соціально небезпечних рис і якостей суб'єктів, закладених в їх плоть, пронизаної тягою до насолоджень, телесності в цілому. Патологізація кримінальності (вріз з окремою криміналізацією патологічного в Середньовіччя) в психіатричному і правовому дискурсах XIX–XX століть, наділення злочинця монструозними рисами ненормального ще більше зміцнила соціальну стигматизацію соціальних суб'єктів, причисляємих дискурсом до «ненормальних» [8, с. 278–279]. Така «археологія» соціальної стигматизації, яка призводить до психологічних страждань людини [2].

Совмещенная генеалогия соціальної стигматизації і влади. Генеалогія влади проявляється через відношення владних інститутів до різних соціально уязвимим групам [6, с. 226–227]. Згідно концепції влади Мишеля Фуко, генеалогія влади включає в себе поступову зміну в XVII–XVIII століттях «позитивними» технологіями влади «негативних» технологій влади, в межах застосування яких соціальна стигматизація фігурує кардинально по-різному. «Позитивні» технології влади, які є плодом модернізаційних змін західних суспільств в XVII–XVIII століттях, виступають наслідком соціальних процесів «**освобождения**» і визнання державою всіх більшого числа природних прав людини [1, с. 181–182]. Дані технології влади передбачають суттєве зменшення каральних актів «везде»

в государственном управлении, но возрастание гибкой сети властных механизмов надзора и контроля применительно к самым разным социальным группам, в том числе и к уязвимым, что образует новые формы «закрепощения» акторов через различные эпистемологически оформленные дискурсы, — формы знания-власти, включающие в себя четко дифференцированные право, политику, этику, экономику, медицину (в особенности психиатрию), педагогику, а также науки.

«Негативные» технологии власти, которые задействовались государственной властью в западноевропейских обществах до XVIII века, целились в отдельные точки и осуществлялись церемониально, ритуально, в форме обряда, открыто демонстрируя превосходящую деяние преступника карательную силу государя. При этом данные «негативные» технологии власти не предполагали «освобождение» субъектов, но при этом исключали из пространства своего надзора и контроля, а следовательно не «закрепощали», многие социальные группы, особенно уязвимые, которые обретали в теологическом и политическом дискурсах черты патологии [5, с. 325].

Через «позитивные» технологии власти, которые неразрывно сопряжены с обретением гражданами все большего объема признаваемых за ними государством естественных прав, данных им от рождения и неотделимых от человеческой природы, в действительности осуществляется «взвинчивание» и «удешевление» эффектов власти, что означает их неминуемость и оторванность от произвола властителя, параллельно с уменьшением возможностей сопротивления и неподчинения социальных слоев государственной власти [7, с. 113–114]. «Позитивные» технологии власти также тесно связаны с признанием прав представителей новых формируемых уязвимых групп, но это означает и неминуемость их безликого властного «закрепощения» [10, р. 372–373].

Властный надзор и контроль через «позитивные» технологии власти опосредованно воздействует на субъектов через их **сексуальность**, начиная с их детства. Нормализация/патологизация отдельных социальных групп осуществляется в данном контексте на основе оценок в медиализированных дискурсах права, политики, а также в психиатрическом дискурсе уровня социальной опасности, исходящей от сексуального инстинкта субъектов (на латинском языке *nisussexualis*), особенности развития которого с детства могут объяснять отклонения от закона и психического здоровья в их взрослой жизни [7, с. 332]. При этом в контексте модернизации, предполагающей признание в юридической форме естественных прав человека, становление правового государства, гражданского общества, культурное и религиозно-конфессиональное многообразие и терпимость, разнообразие образа и стиля жизни, развитие рыночной экономики, общее число социальных групп, в том числе и социально уязвимых, неуклонно возрастает [11, р. 329–330]. Данное увеличение численности социальных групп, а также сопутствующее ему усложнение их структуры связаны с вовлечением субъектов в социальные процессы «освобождения» через реализацию признанных прав человека, что сопровождается открытием для себя акторами новых областей мысленных рассуждений, чувственных удовольствий,

телесных наслаждений, деяний, связанных с реализацией собственных интересов в достижении жизненного успеха, удовольствий в целом и счастья [6, с. 496–497]. Вместе с этим упрочняется попадание акторов в разнообразные **формы зависимости** от ответственности и ожиданий, возлагаемых на них государством и различными сторонами социальных взаимодействий в русле процессов «закрепощения».

Место нормализации в генеалогии социальной стигматизации. Социально-исторической иллюстрацией задействия «негативных» и «позитивных» технологий власти в контексте социальной стигматизации отдельных социальных групп обладает приведение Мишелем Фуко сравнительных примеров отношения власти к большим проказой и чумой в Западной Европе. Мишель Фуко характеризует задействие технологий власти следующим образом: «И смена исключения прокаженных включением зачумленных в качестве модели контроля является, на мой взгляд, одним из важнейших событий XVIII века» [7, с. 68]. На всем протяжении Средневековья исключение, маргинализация прокаженных были исторически активной социальной практикой, предполагающей изгнание прокаженных за пределы города, что подразумевало их юридическую и политическую дисквалификацию. Начавшиеся в середине XVII века гонения на нищих, бродяг, «праздношатающихся», «распутников», сумасшедших, «санкционированные в виде изгнания всей этой блуждающей популяции за пределы города или же заключения в общие для всех лечебницы» было продолжением эффектов и механизмов исключения властью стигматизируемых, маргинализируемых групп [7, с. 67]. Таковы социально-исторические характеристики задействия государством «негативных» технологий власти, отголосок которых есть и в современности, особенно в еще модернизирующихся обществах. Такие общества с большими трудностями в процессе своего реформирования отвыкают от исключаящих механизмов власти и переходят к «позитивным», включающим властным технологиям [12, р. 627–628]. Модернизация в ракурсе отношений между государством и гражданами представляет собой переход общества от власти охранительной, репрессивной к власти изобретательной, продуктивной, которая преобразует расклад сил в социуме и вовлечена во взаимодействие сил в нем через нормализацию, будучи **«властью нормализации»**.

Начиная с XVII–XVIII веков в западноевропейских странах разворачивается уже не «старинная модель проказы», а модели включения в городскую среду больных чумой [7, с. 71]. Данная модель умножает властные эффекты и знаменует собой применение «позитивных» технологий власти, наступающих «малейшее зерно индивидуальности» [7, с. 69]. Именно «позитивные» технологии власти не отторгают, а включают маргинализируемые социальные группы в поля регулярности властного надзора и контроля, предоставляя данным группам на основании отсутствия их исключения из среды обитания людей права, «освобождая» их, но «закрепощая» моделями социального управления, которые через юридические и политические механизмы отчуждают свободную волю от представителей

данных социальных групп, передавая ее формам знания-власти права, политики, психиатрии.

Формы знания-власти, эпистемологически оформленные при «**позитивных**» технологиях власти в обществах модерна, в своих оценках социальных групп руководствуются **«нормой»**, функцией которой не является исключение, отторжение, но наоборот, — квалификация и коррекция включаемых в пространство вмешательства власти социально уязвимых групп. Такими являются социально-исторические контуры применения государством «**позитивных**» технологий власти, которые обладают полновесным современным наполнением и продолжением. Образы больных проказой и больных чумой отчетливо иллюстрируют социальную стигматизацию уязвимых групп в целом, поскольку тяжелобольные/неизлечимо больные категории лиц на протяжении истории человеческих обществ и по сей день (например, ВИЧ-позитивные люди) выступают одними из наиболее социально уязвимых [3].

Именно **«власть нормализации»** через различные формы знания-власти патологизирует, делает монструозными различные социальные группы в обществах модерна, а также в еще модернизирующихся обществах, выступая своего рода мерой «общественной гигиены» и контролем за сексуальностью, плотью и телесностью в целом, на основании выводов о которой данная власть объясняет субъектам свое неустанное вмешательство в их жизнь, начиная с детства. «Власть нормализации», осуществляемая с XVIII века до сегодняшних дней через «**позитивные**» технологии власти, есть основа сильной социальной стигматизации, которая обуславливает социальную дискриминацию, проявляющуюся в деяниях власти, граждан, направленных на унижение человеческого достоинства и лишение прав представителей уязвимых групп [9, р. 352–353]. «Власть нормализации» разжигает интолерантность и конфликты социальных идентичностей, а отдельных людей вгоняет в уныние и тоску [13].

Социально уязвимыми группами, подвергающимися в современных обществах социальной стигматизации, являются: 1. Нищие и бездомные лица; 2. Люди, больные ВИЧ/СПИДом; 3. Лица, оказывающие сексуальные услуги на коммерческой основе; 4. Наркозависимые люди и люди, преодолевающие наркотическую зависимость; 5. ЛГБТ-сообщество (геи, лесбиянки, бисексуалы, трансгендеры); 6. Лица, находящиеся в местах лишения свободы и освободившиеся из них; 7. Люди с признанными у них медицинскими учреждениями психическими заболеваниями и расстройствами, пациенты психиатрических больниц; 8. Сравнительно немногочисленные в конкретном обществе, отдельные этнические и конфессиональные группы; 9. Беженцы, мигранты, в особенности — нелегальные; 10. Дети-сироты и/или дети, рожденные вне брака, а также дети, воспитываемые гомосексуальными парами. Социально уязвимые группы являются основной «мишенью» социальной стигматизации, перетекающей в дискриминацию, и обладают низкими возможностями вертикальной мобильности, что в обществах, не являющихся современными, не преодолевается государством [4, с. 173–174].

Данные социальные категории акторов являются разноплановыми по своим содержательным характеристикам, но по своей структурной соотношенности с государственной властью и публичным дискурсом общества обладают определенным сходством. Также следует отметить, что данные социальные группы нередко взаимопересекаются в рамках социальных отношений и взаимодействий, как и другие социальные группы, что является базой для **многомерной социальной стигматизации**. Несмотря на информационно-просветительские программы и кампании многочисленных неправительственных организаций, социальная стигматизация данных социальных групп продолжает существовать даже в западных обществах модерна и особенно существенно, порой в жестоких формах, проявляется в еще модернизирующихся обществах, в том числе и в современном украинском.

Исходя из взаимной пересекаемости различных социальных групп, в том числе и социально уязвимых, одни и те же акторы могут испытывать на себе многократную социальную стигматизацию, — двойную, тройную и так далее. Объекты одномерной и многомерной социальной стигматизации объединяются в социальные сообщества. Примером социального сообщества, образовавшегося в качестве реакции на многомерную социальную стигматизацию, в настоящее время является «World LGBT HIV-Community» («Всемирное сообщество ВИЧ-позитивных ЛГБТ»). В качестве ответа на одномерную социальную стигматизацию в 1978 году была создана неправительственная организация ЛГБТ-сообщества «ILGA» («Международная ассоциация лесбиянок и геев»).

Выводы. Переход от «негативных» к «позитивным» технологиям власти рассматривается как базовое условие и результат социальных процессов модернизации различных обществ, в том числе и современного украинского социума, по оси социальных отношений государственная власть — граждане.

Социальная стигматизация является в конечном итоге производной применения государством различных технологий власти. При реализации **«негативных» технологий власти** в средневековых западноевропейских обществах абсолютная и карательная власть монарха, сращенная с властью священнослужителей, задействовала теологически обоснованное церковное «руководство совестью» субъектов, ставшее предтечей дискурсивно обозначенных форм знания-власти в обществах модерна. Свобода человека понимается не через его права, а через спасение его души, подразумевающее отказ от телесных и экзистенциальных потребностей. Субъект в данной ситуации обладает крайне небольшими социальными интересами и, соответственно, менее «закрепощается». Применение **«позитивных» технологий власти** связано с задействованием государственной властью и публичным дискурсом в обществах модерна различных форм знания-власти (преимущественно правового, политического, научного, психиатрического знания-власти) в рамках осуществления **«власти нормализации»**. Свобода человека структурно разбивается на различные его права и предполагает многие, но жестко дисциплинарно контролируемые властью, сексуальные,

емоциональные, интеллектуальные, коммуникативные потребности. «Освобождение» субъектов через права неразрывно взаимосвязано с их «закрепощением» разнообразными формами ответственности перед властными институтами и формами зависимости перед социальными интересами умножающихся и усложняющихся социальных групп. Удваивается данное «закрепощение», особо болезненное для социально уязвимых групп, нарушениями уже признаваемых законодательно в либеральных демократиях и закрепляемых в международно-правовых документах прав человека через неправовые законы, а также в контексте несоблюдения правовых законов, безнравственного осуждения в массовом сознании. Такое «закрепощение» образует социальную стигматизацию многих социальных групп в обществах модерна и в модернизирующихся обществах.

Социальная стигматизация коренится в **пренебрежении нравственными ценностями** толерантности, уважения человеческого достоинства, свободы, равенства возможностей, справедливости. Закрытость идентичностей, нетерпимость, нежелание и неготовность принять непонятную многим акторам инаковость отдельных социальных субъектов, неуважение личности с ее правом на выбор и правом на жизненные ошибки, неприятие свободы акторов в их самоидентификации, самореализации и образе жизни порождают социальную стигматизацию с последующими актами отчуждения прав и дискриминации.

Преодоление социальной стигматизации связано с обеспечением равных социальных возможностей субъектов, предоставлением публичным управлением доступа к правам человека самым различным социальным группам, актуализацией ценностей толерантности, свободы и сопутствующих им ценностей, их восприятием в массовом сознании, а также искоренением иррациональных страхов акторов, негативных социальных стереотипов. Для борьбы с социальной стигматизацией необходимы принятие и реализация законодательных антидискриминационных мер и социальная политика, в которой задействованными являются государство, неправительственные организации и бизнес, препятствующая уязвимости стигматизируемых групп.

Основным объектом социальной стигматизации в ее генеалогии и современности являются **социально уязвимые группы**, в качестве которых на протяжении истории человеческих обществ выделялись разные совокупности людей в зависимости от характера различий «нормальное»/«патологическое».

«**Власть нормализации**», осуществляемая в русле «позитивных» технологий власти, «взвинчивает» эффекты власти через патологизацию в рамках медиализированных дискурсов криминальности и на основе представлений о предрасположенности к преступности уплотняет социальную стигматизацию.

Значимой перспективой настоящего исследования является изучение деятельности **международных неправительственных организаций** (как наиболее сильных и самостоятельных по сравнению с еще формирующимися собственно украинскими неправительственными организациями) в

современном украинском обществе с точки зрения эффективности защиты ими всех групп прав человека, заинтересованности представителей разных социальных групп в обращениях в различные неправительственные организации и участия в их работе по мониторингу обеспечения прав человека государством, выработке предложений органам государственной власти и местного самоуправления касательно повышения доступа самых различных социальных групп, в том числе и социально уязвимых, ко всем группам прав человека. Дополнительное внимание в данной перспективе исследования концентрируется на правах человека третьего поколения — правах социальных групп и общностей (применительно к социально уязвимым категориям населения). Также данная перспектива исследования предполагает оценку характера, интенсивности и успешности социальных взаимодействий, включенных в отношения по оси власть — граждане и опосредованных деятельностью неправительственных организаций, в случаях социальной стигматизации социально уязвимых групп. В качестве отдельного блока в данной перспективе исследования предусмотрена оценка степени реализации сотрудниками неправительственных организаций собственных корпоративных социальных интересов вместо заявленных правозащитных направлений деятельности. Также важный интерес представляет выявление характера, степени и направлений поддержки такими государственными структурами, как Государственный департамент Соединенных Штатов Америки (U. S. Department of State), Агентство Соединенных Штатов Америки по международному развитию (USAID) правозащитной деятельности международных неправительственных организаций, представленных в Украине, сотрудничающих с украинскими неправительственными организациями. Именно неправительственные организации являются **ключевым институтом гражданского общества** в контексте модернизационных социальных изменений, направленных на «освобождение» через права человека акторов и предполагающих замену «негативных» технологий государственной власти «позитивными» с сопутствующим, как ни парадоксально, усилением социальной стигматизации.

Список использованной литературы

1. Берлин И. Философия свободы. Европа / Исая Берлин; предисловие А. Эткинда. — М. : Новое литературное обозрение, 2001. — 448 с.
2. ВИЧ и права. Мнение врача: «Настало время прекратить ненужные страдания» : Правовые вопросы // Парни ПЛЮС. — Режим доступа: <http://parniplus.ru/semiya/legal-issues/793-vich-i-prava-mnenie-vracha-lnastalo-vremia-prekratit-nenyjnye-stradaniia/>
3. Геи, ВИЧ и депрессия / Жизнь с ВИЧ // Парни ПЛЮС. — Режим доступа: <http://parniplus.ru/zhizn-s-vich/hiv-life/1101-gei-vich-i-depressiia/>
4. Кон И. С. Любовь небесного цвета / Игорь Семенович Кон. — СПб.: Продолжение жизни, 2001. — 384 с.
5. Фрейд З. Психопатология обывденной жизни // Очерки по психологии сексуальности / Зигмунд Фрейд. — Минск : ООО «Попурри», 2003. — С. 185–342.
6. Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / Мишель Фуко ; пер. с фр. А. Г. Погоняйло. — СПб. : Наука, 2007. — 677 с.

7. Фуко М. Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году / Мишель Фуко ; отв. ред. А. В. Говорунов ; пер. с фр. А. В. Шестакова. — СПб. : Наука, 2004. — 432 с.
8. Фуко М. Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году / Мишель Фуко ; пер. с фр. А. В. Шестакова. — СПб. : Наука, 2007. — 450 с.
9. Allport G. W. The Nature of Prejudice /Gordon Willard Allport. — New York : Doubleday, 1958. — 496 p.
10. Link B. G. Conceptualizing Stigma / Bruce G. Link, Jo C. Phelan // Annual Review of Sociology. — 2001. — Vol. 27. — P. 363–385.
11. Outhwaite W. The future of European democracy/ William Outhwaite// European Journal of Social Theory. — 2014. — № 3 (17). — P. 326–342.
12. Shelton J. N. Social Stigma and Disadvantage: Current Themes and Future Prospects / J. Nicole Shelton, Jan Marie Alegre, Deborah Son // Journal of Social Issues. — 2010. — № 3 (66). — P. 618–633.
13. Stigmatisierung als sozialer Definitionsprozess // Bidok. — Режим доступа : <http://bidok.uibk.ac.at/library/hohmeier-stigmatisierung.html>

Статья поступила в редакцию 03.04.2015

Дишлевий І. О.

кафедра соціальних теорій факультету правової політології та соціології
Національного університету «Одеська юридична академія»,
к. 404, вул. Піонерська, 2, 65009, м. Одеса, Україна

ГЕНЕАЛОГІЯ СОЦІАЛЬНОЇ СТИГМАТИЗАЦІЇ

Резюме

У статті виділяється та розглядається соціально-історична площина соціальної стигматизації. Акцентується увага на соціально вразливих групах суспільства як об'єктах соціальної стигматизації. Соціально-історична площина соціальної стигматизації аналізується крізь призму задіяння державою різних технологій влади. Генеалогія соціальної стигматизації представляється через історичні зміни відносин між державою та громадянами в контексті «влади нормалізації».

Ключові слова: соціальна стигматизація, соціально вразливі групи суспільства, «негативні» технології влади, «позитивні» технології влади, форми знання-влади, права людини, «влада нормалізації».

Dyshlevyi I. O.

Department of Social Theories, Faculty of Legal Political Science and Sociology,
National University «Odesa Law Academy»,
room 404, Pionerska Street, 2, 65009, Odesa, Ukraine

SOCIAL STIGMATIZATION GENEALOGY

Summary

Socio-historical plane of social stigmatization is highlighted and discussed in the article. The focus is on socially vulnerable groups of the society as social stigmatization objects. Socio-historical plane of social stigmatization is analyzed through the prism of government involvement of various power technologies. Social stigmatization genealogy is presented through the historical evolution of relations between the state and the citizens in the «power normalization» context.

Key words: social stigmatization, socially vulnerable groups of the society, «negative» power technology, «positive» power technology, knowledge-power forms, human rights, «power normalization».